

ЮЛИЯ ФОМИНА

РЕАЛЬНО, КАК ВО СНЕ

ФАНТАСТИЧЕСКАЯ РЕАЛЬНОСТЬ
ИЛИ РЕАЛЬНАЯ ФАНТАСТИКА?

18+

Реально, как во сне

Юлия Фомина

Реально, как во сне

«Автор»

2019

Фомина Ю. А.

Реально, как во сне / Ю. А. Фомина — «Автор»,
2019 — (Реально, как во сне)

ISBN 978-5-532-08294-6

Некоторые люди даже не догадываются, что мир обладает гораздо большим количеством оттенков, чем это принято считать обычно. Лишь единицам дан цветной слух и тактильное восприятие звуков и запахов. Героиня живет в мире, полном невероятных возможностей, однако воспринимает свой дар как неполноценность собственной психики. Эта книга для каждого, кто не оставил в прошлом готовность поверить в чудеса. Для каждого, кто готов заглянуть за грань обыденного и видеть глубже. Для тебя и меня. События и персонажи, конечно же, вымышлены, любые совпадения случайны. Даже если вы вдруг узнаете себя...

ISBN 978-5-532-08294-6

© Фомина Ю. А., 2019

© Автор, 2019

Содержание

Предисловие	5
I. Встреча	6
II. Смутные сомнения	12
III. Эйфория всемогущества	22
Конец ознакомительного фрагмента.	25

Предисловие

Дорогой мой читатель! Эта книга не о любви. Скорее, совсем наоборот, о жизни, когда для любви в ней нет места. Вы спросите: «Но как же без нее? Ведь любовь может быть началом чего угодно. Истории. Жизни. Всего!». И будете совершенно правы.

Поэтому, про любовь я напишу только в предисловии. А потом обойдемся без нее. Ну... по крайней мере, я постараюсь обойтись. И, конечно же, все события и персонажи вымышлены, любые совпадения случайны. Даже если Вы узнаете себя – это совсем другая история!

И так...

Любовь – это такое щемящее всепоглощающее чувство. Реальный мир отодвигается на какой-то далекий задний план и, кажется, что-то шепчет, когда в действительности пытается до тебя докричаться. Совершенно иначе начинаешь смотреть на все происходящие в твоей жизни события.

Чтобы понять, что же это такое, нужно, наверное, испытать на собственной шкуре, когда тебе совершенно по щенячьему хочется получить его ответный теплый взгляд, как самую настоящую награду – и тогда раствориться в нем всей, без остатка. Раствориться в любимом человеке до последней капли, забыв собственную суть. Отдать себя всю, до последнего вздоха, выжать насухо – до последней капли, сделать все что угодно, о чем никогда бы не подумала! Все, что угодно, лишь для того, чтобы он продолжал ВОТ ТАК на тебя смотреть! А если взгляд тобою так и не был получен... Ну тогда, скорее всего до следующей встречи ты будешь чернее тучи слоняться из угла в угол – что же в тебе не так? Постарела? Растволстела? Прическа растрепана? Одеты безвкусно или косметики многовато? Снять все побрякушки? Или что еще?!

Этакое временное умопомрачение, дающее огромную встряску всей твоей серой обыденности, ставящее с ног на голову все твои приоритеты, причиняющее огромные неудобства твоим окружающим, да и тебе самой. Мир переворачивается вверх дном и наступает хаос. Однако почему-то тебя во всем этом совершенно не пугает то, что этот самый хаос буквально крушит и ломает стены твоего привычного уютного мирка, вторгаясь в него, не умещаясь в нем, выплескиваясь через край, налетая внезапно, как ураган, самым безжалостным образом путая все, что было до того упорядочено... Это огромное чувство... Прекрасное? Да! Безусловно! Но в тоже время, такое грозное и неумолимое – в случае неудачи, если вдруг что-то пойдет не так...

Такое умопомрачение, несомненно, очень нужно пережить хотя бы раз в жизни. И, если оно оказалось безответно по любым причинам, то это очень больно. Настолько больно, что сложно представить такую боль, даже если крепко зажмуришься.

Такие перемены у женщин видны невооруженным взглядом: они делают что-то символическое, например, кардинально меняют прическу, манеру одеваться, поведение. Их потом надолго «выключает» – они либо с головой уходят в работу, либо находят утешение в каком-то увлечении. Ездят по миру так, будто убегают от самих себя.

Бывает и такое. У многих. Почти у всех. И все это непременно нужно пройти, как проходят дети в школе букву «А». А потом, после бури, нужно все начать с чистого листа и просто продолжать жить лишь по тому, что жизнь продолжается. Ибо, как сказал мудрый царь Соломон: «Все проходит. И это тоже пройдет!».

Эта книга посвящается моей самой большой любви и боли.

I. Встреча

Когда с утра готовишься к важной встрече, косметика ложится совсем не аккуратно, как ты не старайся. От этого начинаешь еще больше нервничать и торопиться.

Со сна было как-то мутно. Все не выходило из головы та оборванная цыганка, приставшая наемни возле гипермаркета на автостоянке. Она была, наверное, немолода, и, как и все встречающиеся обычно цыгане – невнятно-пестрая, хоть и изрядно полинявшая... Смотрела и смотрела, не мигая, своими глубоко сидящими черными мутными какими-то глазами и без устали, как заведенная твердила что-то про завистливую подругу, которая удачу у меня уводит, про вторую – которая ненавидит тем, что не получается у нее так же все хорошо да ладно... Какие-то совершенно безумные своими средневековыми суевериями наставления о том, что «нельзя никому из дому соль давать, а вечером в особенности», а также, совершенно непонятно почему, не советовала мыть голову именно по пятницам...

Голову по пятницам она после той встречи действительно мыть перестала. На всякий случай. А соль у нее вроде бы вообще никогда никто и не просил.

«...А, вообще, все эти суеверия просто не для меня. Это же просто стереотипы! Подруги если есть – значит, обязательно они тебе завидуют. Даже неважно, что завидовать, скорее всего, нечему, особенно если ты – мать-одиночка, впахивающая за четверых... Или вот еще, если вечером отдать какую-то вещь – счастье свое отдать, или удачу денежную... Хорошо, хоть про несчастных черных кошек не наплела... Тьфу-тьфу-тьфу!», – обрывочно как-то, будто оправдываясь рассуждала она про себя.

Все. Нужно скорее выбросить из головы попрошайку.

Тут как-то все навалилось, наверное. Пережив не так давно, как ей казалось – в зрелом достаточно возрасте, безответные любовные переживания от начала и до конца, со всеми вытекающими, Нике удалось не сломаться и почти не впасть в депрессию... Сложное это дело. Из серии «миссия не выполнима» скорее...

Но, как и все в этой жизни, произошедшему, наверное, суждено было так случиться. Возможно, чтобы закалить человека, как закаляется в ярое огне стальной клинок перед тем, как ему будет уготовано участвовать в бою. Чтобы потом, пройдя этот болезненный весьма урок, человек уже никогда не сомневался и не поддавался на самые искусные провокации. Обрел этакую броню.

Наверное, этой самой броней человек обрастает уже в детстве, начиная с жестокого детского коллектива.

Кого из нас, собственно, не дразнили в школе, как-то особо обидно искажая даже самую несклоняемую, казалось бы, фамилию? И вот они – первые чешуйки брони. А жизнь все расставляет по своим местам, давая новые уроки. Так, через боль, обиды и унижения человек познает других людей, таких же в общем-то, как и людям приходится познавать его самого. И одновременно с познанием к нему приходит понимание того, как от них защититься.

Это как дорога к буддийскому храму. Нужно пройти длинную череду ступенек, чтобы постепенно быть готовым достичь цели.

К примеру, должен современный человек убедиться, что отжившие свое сайты знакомств, где сидя в уютном кресле лениво перебираются анкеты симпатичных и не очень кандидатов, которые все равно в результате разочаруют, и можно будет смело ставить крест на так и не сложившуюся личную жизнь... Хотя... Наверняка многим в 30 с небольшим лет кажется, что предел, когда чего-либо можно достигнуть пройден, как пройдена самолетом точка невозврата. И остается только пожинать плоды – уж что насеяла, то и пожинай, дорогуша... И ничем тебя уже не удивить, ты все уже знаешь. Жизнь налажена – лучше или хуже, но ты уже идешь по найденной колее и сворачивать из нее не хочется, да и наверняка – некуда. Так что, цыган-

ками линиями с их давно уже навязшим на зубах «цыганским гипнозом» – нас уж точно не удивить.

Ника и сама кое-что умела. Еще в детстве ей каким-то необъяснимым образом удавалось унимать чужую боль с помощью эфемерных таких серых точек, которые она видела весьма явственно на поверхности кожи страдавшего от боли. Со временем прикосновения перестали быть нужны, серые точки выщвели и полиняли, и она с помощью неких образов внутри ее сознания могла, как бы купировать острые болевые ощущения, хотя полностью унять страдания у нее почему-то так никогда и не получалось.

Ника всегда видела цветные сны. Вообще мир вокруг нее всегда был ярким и цветным. Боль представлялась в ее воображении, как синева-фиолетовый, терпкий и шершавый на вкус, шуршащий, будто детский надувной шар, из которого постоянно вытекала, не кончаясь сиренево-синеватая же субстанция. Найдя внутренним взором этот образ над страдальцем, можно было белой эфемерной же лентой у основания этот шар перекрыть, перевязать. И тогда боль просто отмирала, как если бы такое проделали с ненужным полипом на коже. И не важно, как она сама или тот, кому она унимала страдания, к этим ее действиям относились. Как угодно, скептически можно было относиться, но боль все равно унималась почти полностью в считанные минуты.

Ника, будучи по природе своей достаточно твердолобой «Фомой неверующей», долго не могла смириться с тем, как именно то, что происходит внутри ее сознания, нечто весьма иллюзорное и никак научно не объяснимое – в реальности помогает унять симптомы недомогания. Так и не постигнув тайн своего умения, со временем Ника просто смирилась. Помогает – и ладно. Неважно же, по сути, как именно работает лампочка, главное – светло.

Когда у нее появилась долгожданная обожаемая ею дочурка Ниночка, то у Ники получалось унять боль и жар малышки не хуже хваленого «Нурофена». Она не знала в точности что ей нужно делать и просто прижимала болеющее дитя к себе крепко.

А еще Ника чувствовала ложь. Она не просто знала, что человек лжет, она чувствовала эту ложь, переживая не меньше лгущего. Ей достаточно было даже просто посмотреть в глаза лгуну – зрачки его расширились и как бы переставали отдавать свет. Глаза буквально становились матовыми. Даже если лгун находился к Нике спиной, у его голоса появлялась какая-то шершавая надтреснутость, и терпкий вкус.

Ника, только будучи взрослой, поняла, что ее окружающие не воспринимают звуки и образы всеми органами чувств так же, как она сама. Наверное, ее даже несколько обескуражил тот факт, что совсем немногие знают, что музыка – цветная, а колокольный звон напоминает на вкус малиновый леденец.

Узнала о том, что все остальные люди довольствуются довольно скромной гаммой чувств она весьма банально – из передачи по телевизору. Передачу она смотрела не с самого начала, слушая ее вполуха. Ее заинтересовало повествование о людях с необычными способностями – писателях, философах. Рассказывали о некоей присутствовавшей у них «синестезии» – редком неврологическом состоянии, при котором органы чувств перемешиваются и начинают чувствовать за других¹.

¹ Буквально «синестезия» означает «соединенное ощущение» (от греч. «syn» – вместе и «aesthesia» – ощущение), но обычно в науке встречается словосочетание «межчувственная связь». Как известно специалистам, сам термин "синестезия" часто трактуют как синонимичный термину "цветной слух". В теории искусства и психологии, до сих пор даже в энциклопедиях и диссертациях не было и нет единообразия и в определении границ этого понятия и, соответственно, в его дефинициях. "Синестезией называют, прежде всего: а) межчувственные связи в психике. Но, кроме того, синестезией называют и результаты их проявлений в конкретных областях искусства: б) поэтические тропы и стилистические фигуры, связанные с межчувственными переносами; в) цветовые и пространственные образы, вызываемые музыкой; и даже г) взаимодействия между искусствами (зрительными и слуховыми)". Например, у Владимира Набокова и его матери были графемо-цветовые синестезии, когда каждая буква имела оттенок или текстуру, связанную с ней.

Она слушала и кивала, удивляясь даже, что некоторым людям такая «чрезмерная» восприимчивость была обузой, т.к. чувства были настолько сильны и ими не управляемы, что отвлекали их от обыденности. Нике было лестно, что такие проявления чувственности встречаются у великих и талантливых. Но потом вдруг прозвучало довольно неприятное слово «шизофрения». Неожиданно как-то прозвучало. Оказалось, что о проявлениях восприятия такого рода рассказывали довольно сухо, как о симптомах болезни. Нике такое восприятие ничуть не мешало в жизни, подобные явления были для нее чем-то вполне обыденным и совершенно привычным. Лишись она своего цветного слуха или образов эмоциональных проявления – она чувствовала бы, что утратила будто бы часть своего тела, часть себя, стала бы буквально инвалидом. Как бы если вдруг стала слепа и глуха одновременно...

Цветной, полный вкусов мир был привычным настолько, что Ника и не обращала внимания на все эти вкусы, цвета и образы, пока не сталкивалась, например, с чем-либо для нее настолько неприятным, что спину сковывало, как от озноба, например, если кто-то проведет громко ногтями по ткани, или наоборот, настолько приятным и сладостным... Например, если удавалось добиться чего-то такого, что добиться было весьма непросто – до полного чувственного оргазма. Все чувственные проявления переживались Никой многомерно, скорее усиливая и дополняя обычные для человеческого восприятия ощущения.

Дослушав в молчаливой задумчивости передачу, Ника решила, что не стоит ни с кем делиться слишком своими эмоциями и ощущениями. Благо, она и не делилась никогда – просто по тому, что считала, что все окружающие переживают свои ощущения в точности так же, как и она сама. Да и вообще, в ее семье не было принято слишком открыто выражать свои эмоции. Это считалось весьма непристойным.

Будучи человеком в известной мере чувствительным, Ника, как бы влезая в шкуру собеседника, могла понять гамму чувств им переживаемых.

Своими способностями, или как она считала – особенностями, если она и делилась, то весьма неохотно, скупно, скорее намеками, только в случае крайней на то необходимости и с очень близкими и дорогими ей людьми. Точнее с теми, которые знали ее слишком хорошо, чтобы огульно счесть сумасшедшей.

Хотя... И в них она тоже чувствовала ложь. Близкие, скорее всего, и не догадывались о такой ее способности. А Ника, будучи человеком сочувствующим – в прямом смысле этого слова, попросту не рассказывала своим им о своих догадках, т.к. у любого человека, даже самого маленького человечка имелось право на личное пространство, нарушать которое недозволительно, в особенности, имея такие... ммм... преимущества. Да, можно назвать это и так.

Так вот, та цыганка... Никак не идет из головы... Она не врала! Точно не врала. Похоже было, что она пребывала в некоем транс... С застывшим взглядом, глядя прямо перед собой, говорила она таким глубоким быстрым голосом... Да так, что не слушать ее было попросту невозможно. Говорила и говорила, не смотря даже на то, что Ника попыталась строго оборвать побирушку до того еще, как та вообще начала приставать с явными вполне намерениями. Обычно Ника предпочитала сторониться подобной категорией незнакомок, уйти и не связываться, поскольку весьма была наслышана и о цыганском гипнозе, и о неизбежных последствиях таких встреч. К сожалению, уйти уже возможности не было – Ника грузила в бездонный почти багажник своего авто объемные весьма сумки снеди, только что приобретенной в гипермаркете. Нелюбовь к совершению покупок и весьма напряженный деловой график делали визиты в продуктовый магазин еще одной деловой поездкой, в которой все проходило так же упорядоченно, как и остальное в ее жизни – скупно, по списку, по кратчайшей траектории, в кратчайшие же сроки. В Нике с первого взгляда можно было угадать человека жесткого, сильного и целеустремленного, надеявшегося в этой жизни только на себя. Вот только стоило посмотреть, как она загружала снесь: Ника пользовалась для заполнения сумок специальным выступом на верхнем крае тележки, расположенным в аккурат напротив середины ручки,

на откидной части – куда удобно положить объемную от бумаг дамскую сумочку в магазине. Если сложить эту часть, то напротив ручки окажется выпирающая часть, размером с большой палец. Ника цепляла на нее одну из ручек сумки, вторую же держала свободной рукой. Тяжесть нагруженной тележки не давала сумке опрокинуться, тем самым, помогая наполнять сумки покупками. Признайтесь, Вы ведь никогда не обращали внимание на неровность тележек в этом месте? Наверняка подавляющее большинство людей попросту не замечают этого незамеченного приспособления. Или у них просто есть кому держать вторую ручку сумки.

Нике показалось, что цыганка говорила долго, целую вечность. Считая себя человеком совершенно не гипнабельным, Ника все же поневоле заслушалась и воображение ее тут же выдернуло из болтовни цыганки двух завистливых подруг... Ассоциации... Да в общем-то можно было бы выдернуть и двадцать двух таковых, при желании. Успех вполне закономерно порождает зависть. А Ника была успешна. Весьма успешна! Да и подруг-то в общем и целом не имела.

В список Никиных принципов входил принцип отрицания подачи милостыни нищим. Даже некая боязнь. Боязнь заразиться, что ли их нищетой. Как будто, если дать попрошайке копейчку – через нее уйдет с таким трудом все Никой достигнутое.

Достигнуто все действительно было с огромным трудом. Трудные 90-е прошли по всей стране огромной машиной, калечащей и перемальвающей мельничными жерновами жизни и судьбы, как хребты несчастных, угодивших под гусеницы танка. Те, кого машине переломить не удалось, она ставила на колени. Человек с высшим образованием мыл туалеты у тупого разбогатевшего внезапно быдла. Дети этих людей либо карабкались изо всех сил, в полной мере ощущая на себе дыхание той эпохи, либо шли по кратчайшему из легких, но недолгих путей с плохим концом. Ника смогла. У нее все получилось...

Назойливая же эта цыганка! Ника сначала отмахивалась от нее, говоря, мол – денег нет, вот, продукты купила на все что было, незамысловато демонстрируя «пустой» кошелек – купюры в котором были сложены в другой отсек.

– Хотите, могу Вашим детям продукты дать? Пачку молока может? – цыганка отмахнулась от нее, как от мухи, все еще бубня про подругу, которую в шею нужно гнать. И вторую тоже. Уже по третьему кругу пошла их костерить, похоже.

Нике было не по себе. Ей не нравилась ситуация, в которой она становилась заложницей. Нужно еще половину снеди упаковать в сумки, погрузить их в багажник, и отогнать свою тележку поближе к грузному таджику, ловко управляющему целой вереницей таких же телег с магазинными логотипами на пластиковых ручках. Она грустно посмотрела таджику вслед, как если бы он мог своим караваном тележек отодвинуть так некстати приставшую попрошайку.

– Врете вы все! – не выдержала наконец Ника. – Не нужно мне ваших историй. Не верю! «Станиславский, блин» – усмехнулась она про себя.

– Нееееет, не вру я – усмехнулась внезапно цыганка ей в тон, – ой как не вру!

И тут, цыганка вперилась Нике прямо в глаза, как-то по-особенному сощурившись:

– Ты же сама видишь, совсем я не вру. Ты же... Ты же все видишь?

Она и вправду не врала, отметила про себя Ника, как-то на полном автомате. Холодок неприятного предчувствия скользнул по спине под ремень джинсов.

– Мне от вас ничего не надо! – раздосадовано как-то, скорее на себя, взорвалась Ника.

– Не надо говоришь? Посмотрим... Может после нашей встречи что-то изменится? А может, даже лучше видеть начнешь? – недобро глядя на Нику каким-то внезапно искаженным, и как ей показалось, чуть не дьявольским выражением лица.

Отшатнувшись, Ника нервно отвернулась к багажнику машины, только бы не видеть ее черных пронзительных глаз. Они единственные были живыми в ее образе. Повернувшись к цыганке, Ника ошарашенно поняла, что цыганку будто бы подменили. Она уже ничего Нике не пророчила. Лицо ее вновь выражало смирение, но глаза вдруг поблекшие и матовые плотноядно

обшаривали Нику. Она как-то совершенно обыденно вдруг стала клянчить «хоть десять рублей для ребеночка», «на смесь молочную, или вещи носильные, или может, что самой нужно такой красивой девушке купить? То, что так просто не достанешь – так она достанет... что нужно?»

К счастью, снедь уже перекочевала в баулы, а баулы, спешно расталкивая товаров, угнездились в багажнике.

Ника, с облегчением хлопнув крышкой багажника, чуть не бегом отогнала тележку и кружным путем вернулась к машине. Цыганки, впрочем, уже и след простыл.

И, вроде, ничего особенного эта встреча не принесла, но какой-то осадок остался.

Косметику Ника поборол. На ходу допивая кофе, она чмокнула маму сладкими кофейными губами, оставив в ее руках недопитую чашку. От мамы пахло мамой. И желтой пожухшей усталостью. Болеет и молчит, терпит. Надо заняться ее ногами, пока не запустили вконец.

Запрыгнула в лифт – встреча через полтора часа. Нужно успеть добраться до Москвы, пересест на метро для скорости, доехать с пересадками до синей линии, станции Арбатской и желательного не иметь при этом помятого вида – встреча же.

Ника работала переводчицей с популярного ныне китайского. После подписания выгодных для России договоров, границы между Китаем и Россией гостеприимно открылись, буквально настезь, и Москва теперь просто кишела деловыми раскосыми людьми в пиджаках и, почему-то, в кедах. Этим самым раскосым бизнесменам было столько, что создавалось впечатление, что Великая Китайская стена и была-то создана только для того, чтобы народ не вываливался из Китая. А теперь ее прорвало.

Имея неплохо развитую интуицию и определенные чувственные преимущества, Ника в умопомрачающе короткие сроки, поражая преподавателей, освоила китайский. Он ей казался очень похожим на русский язык. Она даже не жалела о том, что английский когда-то, в свое время, у нее выучить не получилось.

Частенько в жизни Ники бывали ситуации, когда она «попадала в струю». Ника не разбогатела конечно безумно, но была вполне самостоятельной и самодостаточной. Она легко вела деловые переговоры, и, будучи привлеченным представителем уже не одного десятка фирм и частных предпринимателей, работала в общем-то сама на себя.

График, конечно же, был плотным, что удручало, поскольку все меньше времени оставалось для общения с дочерью. Но Ника утешала себя тем, что после третьей волны кризиса, прозванного СМИ «Мировым Великим», она вполне неплохо смогла удержаться на плаву, как минимум не ущемляя себя в быту.

Господин Сун Ли оказался пунктуальным сухопарым пожилым человеком, по всей видимости чисто плотным до педантичности. Явный маникюр на безупречно ухоженных руках выдавал его, как небедного себялюбца. От него слабо пахло пряным и горьким. Черный перец горошком. Знакомый вкус и запах – по всей видимости, он недавно овдовел.

Он традиционно по-восточному поклонился Нике в приветствии и тут же светски, весьма по-европейски, пожал Никиному сегодняшнему работодателю руку.

Андрей – статный, знающий себе цену, с горделивой осанкой, выдававший военную выправку, был средних лет москвичом. Сверкая белозубой улыбкой, он предложил продолжить беседу в ближайшем уютном кафе в стиле французского Прованса.

Ника заметила, что после приветственного рукопожатия с Андреем господин Ли ничуть не стесняясь продезинфицировал специальным раствором руки. И при этом от него так и пахло чем-то желтым, кислым, плоским, душным и неприятным.

«Брезгливый сукин сын», – подумала Ника. Придется терпеть.

Встреча прошла буднично. Почти не торговались. Обе стороны были заинтересованы в будущем партнерстве. Диалог проходил бойко и вполне сносно.

Господин Ли предпочел, чтобы его не провожали и не расплатившись за свой чуть тронутый чай удалился, поклонившись каждому из нас в отдельности. Без рукопожатий на этот раз.

Засиживаться не хотелось, дома было полно дел, да и дочка капризно ждала маму со своими нескончаемыми домашними заданиями.

Ника вежливо улыбнулась Андрею, уже готовая попрощаться и ускользнуть:

– Ну что же, сегодня все прошло, по-моему, весьма удачно. Поздравляю, что же нам еще большего желать от встречи? – улыбаясь, подытожила Ника.

– Трахнуть бы тебя еще для полного счастья, раз уж все так удачно складывается!

Реакция ошарашенной Ники была мгновенной, на полном автомате: Андрей тут же получил, совершенно выпучив глаза, пощечину.

Ника запоздало подумала... Ей, наверное, показалось... Да нет же! Она готова была поклясться, что он и рта не раскрывал!

II. Смутные сомнения

«Я, наверное, больна. Схожу с ума. И вообще, что такое на меня нашло?!» – никак не унимаясь, гнала машину Ника. – «Я представляю, что он вообще обо мне подумал, когда почувствовал, какой у меня удар... поставленный» – Ника усмехнулась.

Постепенно успокаиваясь, Ника пришла к выводу, что видимо прочла по его глазам какой-то сальный намек, и сама же перевела в слова его этот взгляд. Да еще и наверняка она неосознанно уловила пряный коричный и коричневый же запах мужской похоти.

Ну что же, бывает. В общем и целом – сама виновата. На деловую встречу нужно одеваться скромнее, и косметикой видимо не нужно увлекаться. В Европе вообще все давно краситься перестали. А то всех партнеров распугаю своей реакцией. В конце-то концов, обычный же мужской взгляд. Котируюсь еще. Нормально. Действительно – нашло что-то. Но – поделом... Пялиться не будет. Хорошо – хоть взяла оплату перед встречей.

Так, увлеченная своими мыслями, Ника добралась до дома.

На лавочке сидела стайка «божьих одуванчиков» – в помощь всем местным следственным органам.

– Добрый день! – как можно благожелательнее поздоровалась Ника, с самой очаровательной улыбкой.

– Добрый день, добрый! – поздоровалась одна за всех старушка, остальные согласно закивали.

Ника кивнула бабушкам и направилась к двери подъезда.

– От любовника, наверное. Небось, всю ночь по ночным клубам шастала, шалава.

Ника остановилась, как вкопанная. У нее глаза полезли на лоб. Что ж за день такой сегодня? Развернувшись всем корпусом к вопросившей бессовестной бабке, она, мямля, переспросила:

– Что-что, баб Зина?

Баба Зина невинно захлопала глазами:

– А ничто, милая, я вроде тебе ничего и не говорила, только поздоровалась, – остальные «одуванчики» согласно закивали платками на головах.

– Пьяная штоль? – донеслось откуда-то справа.

Нина, ошалело смотрела на соседку, сидевшую справа от бабы Зины.

«Голову готова дать на отсечение – что старушка не открывала рта! Точно схожу с ума! Вот до чего предрассудки доводят» – подумала Ника.

Пробормотав что-то невразумительное старым сплетницам, она юркнула в подъезд и взлетела на шесть ступенек к успокаивающему жужжанию лифта.

«...Домой, набрать горячую ванну, чтобы пар застлал зеркало. Закрыться потом в спальне и хорошенько выспаться. И все пройдет. И никаких уроков сегодня. Пусть сама стареется».

Мама уже углядела в окно, припаркованный Никин автомобиль, уткнувшийся в подножье старой ивы перед подъездом и тут же хлопотала накрыть на стол. Пахло блинами.

– Устала? – спросила мама.

– Да... Что-то... Мне похоже нездоровится.

– Погода может, – предположила мама.

– Маааама, – с визгом влетела Ниночка в объятия матери, – вернулась!

Как будто Ника не на несколько часов отлучалась, а пребывала в годичной командировке.

Выполнив дочерний долг – «обнимашки-целовашки», Ниночка ускакала обратно в свою комнату и уткнулась в экран ноутбука досматривать очередную серию бесконечного модного детского сериала.

– Поешь и отдохай, – предложила заботливо мама.

Есть особо не хотелось. Ника все силилась понять, что же с ней сегодня творится. Сначала влепила плюху работодателю. Потом кособоко как-то расслышала видимо обычные соседские приветствия. Что-то примерещилось? Несколько раз подряд? Но как-то уж очень явственно, думала она, жуя блин со сладкой сметаной.

– Переутомилась, еще бы – работа на износ, – хлопотала вокруг нее заботливая мама, окутывая стол пряными запахами чего-то мясного.

– Ты преувеличиваешь, работа – как работа, вроде не переутомилась, – на автомате, как обычно, ответила Ника.

Мама странно посмотрела на Нику.

– Никуша, что?

– А? – Ника поняла, что что-то опять не так, но отмахнулась от мысли. – Да даже не знаю, как сказать, – Ника все так же смотрела вникуда.

Потом перевела растерянный взор на мать. Но в последний момент поняла, что, если она сейчас попытается с ней поделиться, рассказ ее получится скомканным и совсем не убедительным. Хотя, в общем-то убеждать сейчас в принципе никого ни в чем и не требовалось.

– Все в порядке, мам, – соврала Ника, просто чтобы успокоить мать. Мамины глаза сделались матовыми.

– Ну и ладно, – отвела глаза мама.

«Врет», – подумала Ника. Но не страшно, мы просто любим и не хотим расстраивать друг друга.

– Ну и ладно, – в тон маме сказала Ника, развернулась и твердым шагом направилась в ванну. Нужно сегодня выспаться, чтобы понимать, что происходит. Мама, наверное, права, говоря про переутомление. Умственная деятельность вкупе с постоянными разъездами. И слишком большой объем информации.

Нужно отвлечься, чтобы уснуть.

Горячий пар застлал зеркало. Сладко дымила ароматическая палочка. Обжигающая вода обняла Нику, чтобы смыть без остатка сегодняшний день.

Ника погрузилась в соленую розовую воду целиком, оставив только нос над водой. Стало так тихо, что самым громкими звуками были удары ее сердца.

И она вдруг с тоской вспомнила о Нем. О том, которого любила однажды. А может и прямо сейчас тоже. Сложно сказать, все кончилось, так толком и не начавшись.

Она вспоминала вкус его губ, его запах, засыпая. Ей часто снились его поцелуи. Они были очень оранжевыми, хотя возможно и отдавали неким намеком на красный – цвет любви. Или ей хотелось найти хотя бы одну алую искорку – цвет там, где его никогда не было. А может и был, но так мало, что он сам этого даже и не замечал. А поцелуи... Они были такими же, как всегда, когда они ей снились еще до того, как она почувствовала их, до того, когда все случилось... Все было реально, совсем как во сне.

Ника тяжело выбралась, укутавшись в пушистый халат добралась до постели и так и уснула, с мокрой головой.

Утро Нику так и не встретило. Не дождалось. За окном шумел день. Хотя, дома, за закрытыми пластиковыми окнами было очень тихо, только тикали часы и мурлыкал холодильник.

Посмотрев на часы, Ника поняла, что мама уже отправилась встречать Ниночку из школы.

Сегодня у Ники выдался свободный денек, что было редкостью в ее графике. Лениво повалявшись еще немного под одеялом, Ника выползла умываться и варить кофе.

Сегодня был другой, чем вчера день и представлялось все совсем по-другому. Она теперь ясно и четко могла вспомнить все, что произошло вчера. Вроде бы ничего необычного – с одной стороны. Но с другой... Неужели ей стало мерещиться что люди говорят, когда те на самом

деле молчат? Может ее разум над нею решил подшутить? Он додумывает что бы сказали ей люди в той ситуации? Бред конечно полный. Действительно, без отпусков работать совершенно нельзя. Права мама.

Ника в очередной раз пообещала себе неделю отдыха, причем – в Питере. Хоть раз в жизни-то она должна хоть одним глазком?..

На этом она решила покончить с переживаниями, все равно более понять ничего не представлялось возможным. И кофе – ароматный и бодрящий, звал.

Подсев с полулитровой кружкой любимого ею утреннего переслащенного кофе, изрядно разбавленного топленым молоком к компьютеру, она не успела толком загрузить сводки новостей и социальные сети, как вдруг требовательно заверещал skype.

Наскоро пригладив волосы и накинув на ночнушку халатик, она дозволила лицезреть себя, запоздало заметив в маленьком окошке последствия сна с мокрой головой. Ну, поздняк метаться. Да и пусть. Кто там? Конечно же Андрей. Встревоженный. Обиженный до сих пор, явно. Неудобно конечно... Поздоровались.

– Хорошо, что ты на связи. У меня тут есть еще работа для тебя. Срочная. Нужно еще раз встретиться с господином Суном Ли. У нас возникли непредвиденные обстоятельства... Давай встретимся там же, в то же время, что и вчера, минут на десять пораньше – обсудим детали перед встречей.

Ника утвердительно кивнула и прервала связь. Похоже, выходной отменяется – подумала она, задумчиво отхлебывая густой ароматный напиток. Надо сгущенки в следующий раз добавить. И не размешивать – потом съест со дна.

Ника собралась быстро. Оставив записку на обеденном столе, умчалась.

Подъездных бабушек на посту не оказалось. Ника мысленно порадовалась этому обстоятельству, выводя бережно свой выдавший виды вечно пыльный автомобиль с парковки. Сон ушел безвозвратно, однако настроившийся на отдых организм категорически отказывался активно включаться в деловую Никину жизнь.

Выезжая на шоссе, Нику остановил сотрудник ДПС.

– Лейтенант Иванов, мнацатая рота, мнацатой части. Ваши документы? – невнятной скороговоркой оттараторил должное по уставу ДПСник. Он имел низкий лоб и настолько широкое лицо, что голова его в форменном головном уборе напоминала скорее эллипс.

Ника потянулась за документами. И, уже передавая яркий кожаный футляр, запоздало вспомнила то, что мучительно ей никак не вспоминалось в ближайшие пару дней. Страховка! 20-е же число! А она до 19-го. Ого! Вот! попала! Это ж штраф... Ника не любила штрафы и старалась соблюдать правила, из-за чего «писем счастья» не получала, чем даже гордилась.

У эллипсоголового, не замедлившего найти Никин промах, маслянно увлажнились глаза от предвкушения удачного улова. От него прямо-таки пахло радостью. Нехорошей такой... Напоминала она по запаху лук, который припустили слегка в нерафинированном подсолнечном масле и дали немного подстыть. Душный запах такой, цвета сизого дыма – запах нечестной наживы.

Бегло оглядывая салон, состояние машины и прикидывая мысленно на вес кошелек ее владелицы, он моментально скалькулировал, перебирая вяло Никины документы:

«Если она не разбирается, попробую развести. Пятьдесят тысяч. Хотя... Эх, с Петрови-чем делиться надо, и старшему за прошлую неделю еще не всю отдал, но десяточка-то любому прилипнет! Да... Но я же еще венерологу до сих пор должен тридцатку – остаток... Хоть бы жена не узнала пока все не закончится»...

– А если не потяну? – машинально откликнулась Ника.

– Вы мне что-то сказали? – удивленно вперился в окошко машины, ДПСник, явно потеряв мысль.

– А Вы мне разве ничего не говорили? – не менее удивленно, но на удивление для нее самой, настойчиво ответила вопросом на вопрос Ника.

Они уставились друг на друга. Ника прервала неловкую паузу:

– А, простите, раз уж так зашел разговор, за что это такое Вы венерологу должны так много денег? – совершенно невоспитанно поинтересовалась она...

Воцарилась напряженная тишина, во время которой один полностью впал в тихий панический ступор, а ко второй начало липким страхом вползать по спине осознание... Нет, не осознание, а ОСОЗНАНИЕ. Опять!!! Тоже самое! Ведь он же и рта не открывал, медленно приходило понимание. Неужели?!... Нет, ну это же невообразимое что-то! Быть же не может, бред!

Запах радости от эллипсоголового как-то сам по себе исчез. ДПСник пах как-то по-другому. От него повеяло пресной металлической кислоткой.

– Эээ... Извините, – сиплым надтреснутым голосом проямлил он, вытирая внезапно выступивший на висках предательский пот. – Знаете, что, вот Ваши документы. Мне сегодня что-то нездоровится видимо. Скажите пожалуйста, – помедлил он еще, не разжимая пальцы на документах, – а мы с вами случайно не знакомы?

– Все может быть, – сухо ответила Ника, – я поеду?

– Счастливого пути! – автоматически козырнул потерянный эллипсоголовый. – Да, я бы посоветовал Вам развернуться и доехать обратно до города, на Солнцевскую улицу. Вам еще вчера нужно было полис продлить. А то ведь...

Не договорив, он развернулся, махнув рукой и деревянной походкой побрел в белую, с синей «люстрой» на крыше и с синими же буквами «ДПС» на капоте машину.

Ника развернулась, как по приказу, и в полном молчании поехала продлевать полис.

В кои-то веки она попросту забыла, куда собиралась ехать. И вообще в первый раз в жизни она не предупредила партнера, что у нее непредвиденные обстоятельства и есть необходимость встречу как минимум на час отсрочить. А лучше – вообще бы перенести на другой день.

Делая все на автомате, Ника оформила у фирменно улыбчивой девушки страховой полис обязательного страхования.

Мысли роились в ее голове, никак не желая успокоиться и принять должный порядок.

Что же происходит? Все же – шизофрения? Ой, неприятное такое слово. Голоса в голове? Как-то слишком много догадок, как и обалдевших физиономий вокруг... Неужели все ее догадки так удачно попадают «в точку»? Ника конечно же и раньше чувствовала своих собеседников. Но настолько «проникнуться» ей никогда не удавалось. Что же с ней такое творится?!

Резко и неожиданно раздалась соловьиная трель мобильного телефона. Ника нехотя вырвалась из омута закруживших ее мыслей. Уже протягивая к настойчивому соловью руку, Нина осознала, что уже почти два часа, как она должна была быть на месте встречи с работодателем. Позор какой – она даже не удосужилась сделать элементарной вежливости телефонный звонок.

Готовясь к поздним покаянным объяснениям, Ника ответила. В трубке раздался незнакомый мужской голос. Он звучал с некой оттяжкой, будто кое-где нехоти добавляя лишнюю гласную то в середине, а то в конце слова.

– День добрый!

Вновь по спине Ники пробежал и скользнул под ремень джинсов неприятный холодок плохого предчувствия, даже онемели колени.

– Здра... А, где Андрей? – каким-то чужим севшим голосом спросила Ника.

– Васильев Андрей Иванович является вашим родственником? – сухо поинтересовался голос.

– Эээ... Нет, он мой работодатель скорее. Что с ним?

– Несчастный случай произошел некоторое время назад. Открытый люк, знаете ли. Так вот, уважаемая, ваш номер последний, который он набирал. У него номера вообще не внесены в телефонную книгу. Она пуста.

– Где он находится? – обмирая от шокирующей новости, потребовала Ника.

– Склиф, – коротко ответил голос, – найдете?

– Найду. В каком он состоянии?

– Я не врач. Но, думаю, что все достаточно серьезно. На месте работает следователь. Он введет Вас в курс дела, – сказал голос и прервал звонок.

Ника, найдя нужный адрес, задала маршрут такому же выдавшему виды, как и ее машина шепелявящему навигатору.

– Так что уже и не позор, – думала Ника. Даже захоти она предупредить, скорее всего ничего бы не вышло. Ну да ладно...

Голова ее ритмично пульсировала, заставляя гнать машину в нужном направлении. Движение успокаивало. Появлялся своеобразный ритм. Чтобы отвлечь себя, она прокручивала в голове экспромт, который скорее напоминал калмыкскую песню, в которой «что вижу, о том и пою»:

Рулем, как линейкой ровняю дороги
Прочь, беды, обеты, обиды, тревоги!
Я в маленьком мире укроюсь сейчас
От жадных, глумливых завистливых глаз.

Так проще уйти от беды и разлуки.
Давно не мои твои губы и руки.
Улыбки изгиб и сияние глаз -
Когда-то – бесценны, не важны – сейчас.

Как осенью листья, летят километры.
Сейчас мне неважно ни кто ты, ни где ты.
Спасибо за счастье, что дал мне на миг.
Я эти мгновенья не в силах забыть.

Хрустит под колесами снег, как газета.
Тебя я простила за годы за эти.
Любил ли меня? – не узнать никогда...
Разлука и боль. Пустота. Пустота...

Старалась в тебе, как в воде раствориться,
Душа моя пела, как райская птица.
Но клеть не познала, осталась вольна.
И кончилось лето. Настала зима.

Все жизнь рассудила за нас и про нас:
Спасибо за то, что не вместе сейчас!
Спасибо за то, что меня приютил,
За то, что мне веру в любовь подарил!

И пусть разделит нас барьер километров!
Спасибо огромное небу за это!

Пусть будет все так, как желает судьба.
Одна лишь она неизменно права...

Как всегда, Ника с сожалением поняла, что записать строки возможности нет, а потом она так ладно и не вспомнит.

Добравшись до больницы, Ника сразу направилась маявшемуся у КПП охраннику.

От охранника пахло никотиновой ломкой. Запах от него исходил весьма табачный, но какой-то скисший, будто сигарету размочили в лимонном соке. Затхлый такой кислый табачный запах. Выглядел соответствующе – плохо он выглядел, как давно забытый в холодильнике лимон.

«Ишь как уши у мужика пухнут – явно курить бросает, причем очень жестко», – определила Ника.

– Здравствуйте! Мне тут из полиции звонили, сказали, что моего работодателя сюда доставили в тяжелом состоянии. Не поможете?

Охранник тоскливо посмотрел на Нику, сразу поняв по ее цепкому взгляду, что отвертеться от нее не никак получится. Вздохнул тягостно...

– Да всех тут доставляют в состояниях, – начал он было неприязненно, но тут из-за спины охранника как нельзя кстати отделился от тени холла человек в штатском.

– Это вам звонили мои коллеги, по всей видимости? Простите, не представился. Следователь Борзов Павел Геннадиевич. Для краткости можно ПГ.

– Пряма так и звать – «ПГ»? – хохотнула Ника. И представилась, – меня Ника зовут.

– Пряма так и звать – ПГ. Это короче, Ника. Не люблю время терять. Редкое имя, – он с любопытством взглянул на Нику, – будем знакомы. Прежде чем зайдете, нужно понимать, что травма крайне тяжелая. Представьте: открытый канализационный люк. Затылком бедняга пересчитал штук пять ступенек. Благо зацепился то ли за какой-то крюк, то ли за проушину, торчавшую с края лестницы брючным ремнем и так и повис. А то мы бы сейчас это в морге обсуждали. Очевидцы вызвали полицию и скорую.

– В каком он состоянии?

– Ему была сделана срочная операция. Не сложная, шрам под волосами виден не будет. Другое дело, что удар был сильным – в сознание он так и не пришел. Кома. Я нашел в его вещах паспорт и водительское удостоверение. С полисом проблем не возникнет, раз есть документы. По базе можно найти. Но вот какая штука получается... Родных у него здесь нет. Не много конечно можно проверить оперативно. Известно уже, что проживает в квартире совершенно один. Паспорт не так давно выдан по какой-то причине. Выяснить не сложно будет. Видимо банальная утеря – явно не по возрасту выдан был. Не успел в общем толком все выяснить, но обязательно выясню. Если в прошлом и были браки, завершившиеся разводом – ни факта регистрации брака, ни информации о разводе, ни детей – эту информацию в новый паспорт не внесли. Честно говоря, я редко сталкиваюсь с тем, чтобы в телефонную книгу сотового телефона не вносилась совершенно никакая информация. Имена?

Ника, поморщившись ответила, как в тумане:

– Мы с ним не так долго работаем, но я знаю, что у него была очень хорошая память и он предпочитал не тратить времени на «дрессировку», как он выражался, каких-либо гаджетов.

Ника была препровождена в белый до блеска коридор. Мелькнуло какое-то запоздалое чувство... Странно... Оказалось, что, не смотря на операцию, в реанимации он не нуждался. Удивительно – в коме же человек! Пока она размышляла, куда ей жаловаться на такую врачебную безалаберность, а также, куда сообщать родным Андрея о случившемся – у них ведь знакомство носило совершенно деловой характер, и она не знала о его личной жизни ровно ничего, доктор позвал Нику и сказал, что, если ей хочется посмотреть на больного, у нее есть ровно пять минут.

Вновь неприятно удивившись таким легкомысленным отношением к только что перенесшему операцию, Ника все же направилась в гостеприимно распахнутую дверь палаты. Потоптавшись перед входом, вспомнила не в тему – он всегда пользовался стандартным интернет-браузером, не желая каким-либо образом внедрять в свою жизнь комфорт современных компьютерных технологий.

Переступив порог, она увидела своего сегодняшнего работодателя. Ей стало его очень жаль.

Бледный, с забинтованной, как фронтовик головой, Андрей возлежал на высоко поднятой металлическими обшарпанными гребенками койке. У Ники промелькнуло обычное для нее чувство вины – ведь он же спешил на встречу именно к ней. Может она могла бы предотвратить это, если бы... Да нет, ничего она не могла предотвратить.

В палате горько и остро пахло хлоркой. Для кого-то этот запах ассоциируется с чистотой. Брр. Скорее горло дерет и глаза слезятся от такого запаха – сплошной дискомфорт. Химия же.

Ника подошла к лежащему без движения Андрею. Присела на краешек койки, глядя на него, как будто через линзы, круглыми глазами полными слез от ужаса и сострадания. Ей непреодолимо захотелось взять Андрея за руку. Рука оказалась прохладной и безвольной. Его глаза были немного приоткрыты. Ника заглянула в черноту его зрачков...

И тут все звуки как-то разом отступили, и она неожиданно ухнула в черноту, как будто ее накрыла тьма египетская. Внезапно тьма рассеялась и она окунулась в ватную какую-то серую мешанину облачных серых занавесей. Она чувствовала фоновый запах хлора, но он уже не душил ее совершенно. Она словно в другом мире была. Здесь был и Андрей. Но Ника не видела ни его, ни даже собственных рук. Страшно не было. Не было и любопытно. Она была очень сосредоточена. Ника поняла, что ей каким-то образом удалось попасть в то пространство, где находится сознание Андрея. Горело его живое сердце. Желтым и оранжевым горело – все хорошо. И она направилась на этот стук. Он раздавался размеренно, как удары мягкого упругого колокола, покрывая шапкой хрупкого своего ритма весь этот беловато-сероватый кисель вокруг, просачиваясь между его слоями и заполняя все пространство вокруг.

В то же время, Ника с ужасом осознала, что стоит ей сделать незначительное усилие – накрыть пульсирующий желтым и оранжевым источник звука своею волей, сдавить и сейчас такой уверенный и твердый, а на самом-то деле весьма хрупкий, сердечный ритм моментально умолкнет. Андрей умрет мгновенно. Какая же это беспрецедентная власть! У Ники кружилась голова. Восторг и... искушение? Но она здесь для другого. Максимально Ника собралась. Рассеялись неверные занавеси, она увидела Андрея. Он с закрытыми глазами лежал с забинтованной головой. Ника помедлила, чтобы как можно ближе войти в ритм с биением его сердца, чтобы он понял и сделал то, что она ему собиралась приказывать.

«Проснись!», – приказала Ника и Андрей открыл глаза.

Ника оглянулась, как бы очнувшись. Только что они были вдвоем. А теперь, через краткие, как ей показалось, мгновения – уже нет. Вокруг перемены – в палате было очень много народу, но почему-то было очень тихо. Врачи, медсестры. Какие-то люди с остро отточенными взглядами в штатском и одинаковых ботинках, с накинутыми наспех халатами.

Ахнув, несколько медиков кинулись к Андрею, окружив его, совершая какие-то манипуляции рядом с койкой.

– Милочка, а Вы хорошо себя чувствуете? – спросил тем временем Нику плешивый толстый доктор, чем-то сразу напомнивший Нике Жванецкого.

Ника растерянно перевела взгляд на Андрея и только тут поняла, что до сих пор сжимает его запястье. Она спешно отняла руку и только тут увидела, что под ее пальцами на его запястье уже чернеют, наливаясь свежие гематомы. Нику моментально оттеснили с края койки, отдав на попечение похожему на Жванецкого доктора.

Тот оттер Нику к самой двери, кончиками влажных пальцев ухватив ее за локоток. И, заглядывая ей в глаза снизу вверх, вопрошал:

– Вот что мне совершенно непонятно: Вы почти четыре часа находились у больного. Вот так и сидели с закрытыми глазами. Отсоединить вашу руку не представлялось возможным. Как только мы попытались убрать вас от пациента, вы, как бульдог, вцепились в его руку. Состояние у Вас было такое, что можно было подумать, что вы тоже в коме. Мы с коллегами как раз обсуждали что с Вами нужно делать, на своеобразном стихийном консилиуме... Как вы очнулись и вслед за Вами очнулся находившийся в коме пациент. Не соблаговолите ли объясниться? Вы экстрасенс? Для чего Вы так сильно сжимали ему руку? Это такой у Вас метод своеобразный людей будить? Акупунктура? Может попробуете не других... мххмм... комиках? У нас, видите ли, есть на ком потренироваться... Склиф, – он виновато улыбнулся и развел руками.

Тем временем, мед персонал, хлопотавший вокруг Андрея, разомкнул хоровод, и растерянный крысообразный доктор в косо сидящих на переносице очках сказал, что состояние стабилизировалось. Но нужно его конечно же еще понаблюдать. Вдруг он опять...

Ника молчала. Быстрая смена декораций совершенно сбила ее с толку. Она даже не пыталась понять, как ей удалось помочь Андрею. Полная растерянность. Неужели она целых четыре часа вот так и провела у его кровати? Совершенно не чувствовалось потерянное время. Для нее все произошло быстро – несколько мгновений. Максимум – несколько минут. Она даже не слышала, что вокруг суетились люди. Только биение сердца Андрея. Ничего кроме ритма, тумана и отчаянного желания хоть чем-то ему помочь.

Нику вытеснили из палаты. На ее вопросы медсестра сухо отметила, что посещение больных разрешено с двух до пяти вечера. Приходите, мол, завтра.

Ника, все еще пытавшаяся осмыслить только что произошедшее, побрела к выходу.

Доктор, похожий на Жванецкого нагнал ее скоро.

– Я понимаю, понимаю, суетливо кивал он в такт шагов, – Вам сейчас совершенно не до меня. А можно все же попросить Вас, ну скажем завтра, уделить мне совсем немного времени. У меня в кабинете. Я обещаю угостить Вас вкусным кофе.

Ника неприязненно поморщилась, невольно думая о том, что это просто какое-то массовое помешательство престарелых мужиков – как коты на сметану на нее смотрят. Вот, главное – ни один нормальный мужик подходящего ей возраста и усом, что называется не ведет. А старперы – пачками липнут. И кабинет ему, и кофе... Но тут же, спохватившись и поймав себя на мысли, что она в любом случае ничего неприличного не допустит, а ее доброжелательность в смысле чашки кофе и ответов на интересующие вопросы как-то помогут Андрею – смягчило ее. В конце-то концов совершенно не обязательно кому бы то ни было рассказывать про туманные занавеси и что в тот миг обретенное. Можно ведь наплести что угодно.

– Хорошо, я зайду к Вам завтра, когда приеду еще раз Андрея навестить. Что ему привезти?

– Ничего, что Вы! – замахал короткими руками, с короткими же пальцами доктор, как гротескная ветряная мельница, – мы полностью обеспечим его всем необходимым.

Кончики пальцев доктора влажно поблескивали и остро пахли секретом половых желез. Не любил доктор после уборной руки мыть. Или чесал может что-то, пока никто не видел. Фу! Ведь не старый же мужик. Высшее образование, может и не одно. А все туда же. Быдло.

Не сумев сдержать эмоции, Ника, поморщившись, и, развернувшись на каблуках, вышла прочь.

Нику переполняло чувство нереальности происходящего. Обычно так остро воспринимается и приходит понимание происходящего именно во сне. Это тот самый долгожданный момент, когда ты понимаешь, КАК нужно и НАСКОЛЬКО все просто, отталкиваешься слегка – и взмываешь к самому потолку, в волне переполняющих грудь эмоций, от ОСОЗНАНИЯ. Как правило, это происходит непосредственно перед пробуждением, и просыпаешься ты с таким

огромным сожалением, что полжизни отдал бы, только бы вернуться к той настоящей РЕАЛЬНОСТИ и побыть там. С кристально чистым и все понимающим, все осознающим разумом, с легким, невесомым и не поддающимся гравитации телом.

Все было реально, как во сне. Нику пугало то, как ясно она начала понимать, что происходит с окружающими ее людьми.

Упс... Что за день-то такой? Опять взмах «волшебной» полосатой палки. И снова требуют документы. На этот раз все закончилось быстро – она ведь успела до встречи в больнице оформить новый полис обязательного автострахования.

От очередного тучного ГИБДДшника пахло соленой рыбой и морем. Ника собралась было ехать, но передумала. Она обратилась к уже развернувшемуся прочь офицеру:

– Постойте, уважаемый... Вам же завтра в Астрахань? И осталось совсем недолго – в 8:00 кончается последняя смена перед отпуском? – заранее уже зная ответ спросила Ника.

Нет, ей даже смешно не было смотреть на выпучившего глаза тучного полисмена. Это не было развлечением. Хотя нет, смешно... Но сейчас важно другое. Нужно же разобраться в ситуации и понять, понять, черт возьми – что же происходит!

– А, откуда?.. – промычал офицер.

– Извините, можно сказать – на лбу написано. Угадала же? – хохотнула Ника.

– Но про Астрахань-то откуда?! – полицейский, не скрывая удивления, почесал правой рукой под фуражкой, от чего она не замедлила свалиться.

Он ловко, будто жонглер, прокатил ее по левой руке и, поймав, водрузил обратно на макушку.

– Вяленую рыбку любите. Причем которую сами ловите. И знаете на что ловите? На...

– Да откуда?! – вскричал, перебив ее как громом пораженный ДПСник. Его тучные щеки как-то обвисли, и он стал более всего напоминать пожилого расстроенного бульдога, – Вааа-аа! – как-то по-деревенски совершенно, пустив петуха в голосе окликнул он напарника. – Не, Вася, у нас артисты тут. Фокус хочешь? Девушка тут мысли читать умеет. Прямо про Астрахань мне вылепила и даже на что ловлю знает, долговязый худой Вася подошел, явно заинтересовавшись.

– Да ну? А мои можешь? – спросил Вася, выпучил глаза и изо всех сил замолчал, надув щеки, как барабан.

– Раз, два, три, четыре пять. Вышел зайчик погулять, – устало и как-то вымученно откликнулась Ника.

Она уже все поняла. Но как? Теперь стали понятны все те странности, начиная от фривольного пожелания Андрея, а затем предположений ядовитых соседских старушек и далее по тексту – все это действительно услышанные каким-то образом мысли людей.

– Езжайте, говорю в третий раз, гражданочка. Концерт окончен, – чеканя слоги и размахивая зачем-то рукой перед ее глазами говорил тонкий.

Понятно. Им нужно других останавливать. Деньги зарабатывать. А Ника место занимает в «кармане» дороги.

Ника еще раз кивнула про себя, глядя на этих болванов, толстого и тонкого, вспомнив бородатый анекдот: «Бегущие за машинами собаки – это души умерших гаишников»... Воистину!

Ника вдруг поняла, что так и не едет, глубоко задумавшись, вспоминая череду последних событий. Она спешно подняла боковое стекло, одновременно включив сигнал левого поворота и плавно вывела машину на почти уже пустую ночную трассу южного Подмосковья.

Благоухало раннее лето. Оно началось совершенно не по календарю. Лето было в ощущениях. Время было позднее. В щель не до конца поднятого стекла доносилось ночное уже стрекотание кузнечиков или кого-то там еще стрекочущего.

Пахло свежескошенной травой – один из Никиных любимых ароматов. Она невольно расслабилась. Накатившая внезапно усталость делала свое дело. С трудом добравшись до дома, Ника решила без ужина лечь спать, ибо утро вечера мудренее.

III. Эйфория всемогущества

Утром Ника почувствовала себя так, как должно быть чувствуют себя люди, проснувшись знаменитыми. Ника поняла, что встреча с цыганкой все же не зря была такой запоминающейся. Она действительно изменилась после этой встречи. Стала лучше... Видеть? Так сказала ей та, «линялая»? На самом деле, читать мысли оказалось очень круто. Этакое тайное преимущество. Но с другой стороны возникала проблема – очень сложно было понять, когда человек говорит, а когда – думает. Один уже за это словил оплеуху. Случайно конечно, но все же... Второй чуть не получил три инфаркта на почве тайных дел Венеры. Ника приснула, вспомнив элпсообразную морду гибддшника, когда она озвучила его тайные мысли.

Хороший денек. Нужно развивать полученный в результате цыганского проклятья дар.

Ника для начала, занялась рутинной работой. Корреспонденция. Ой накопилось ее за это время. Да, у нее сегодня запланирована встреча с заместителем директора немаленькой сети гипермаркетов. Хотят переговорить с китайским поставщиком китайских же вееров и летающих фонариков для загадывания желаний. Неужели у нас в стране такой спрос на китайские летающие фонарики и веера? Бред конечно. Но раз за это платят деньги – будем с серьезной миной переводить.

Действительно смешно бывает иногда, особенно когда приходится работать с поставщиками, например, сексшопов. Продавцы расхваливали на все лады технические преимущества своих товаров. Все это нужно было переводить с профессиональным хладнокровием. На первых переговорах Ника была ну просто багровая. Потом привыкла. Видимо эта продукция действительно пользуется несказанным спросом у нашего населения. Особенно у 30ти – 45ти летних дам, как она узнала на этих самых переговорах. В тайны маркетинга Нике, в общем-то никогда не хотелось вдаваться. Но некоторые моменты... Запоминались...

Перед отъездом ей удалось повидаться с вернувшимся из школы чадом. Они порадовались друг другу. Ника быстро расспросила Ниночку об ее достижениях, не обижал ли кто.

Оказалось, что все вполне хорошо. Во время разговора Ника прислушивалась, не услышит ли она тайных мыслей дочери. Однако, то ли ее второклассница говорила то, что думала, то ли по какой-то другой неведомой причине, Нике ничего вызнать не удалось.

Мама силком буквально заставила съесть перед уходом Нику тарелку борща, и то, только после того, как она уловила мамины мысли, что у Ники плохой цвет лица, и все из-за того, что она питается всухомятку. Или покуривает тайком от матери, негодница?

Итак, мысли она слышала. Происходило это так: человек говорил, не открывая рта, собственным голосом. Интересно. Наверное, было все же отличие. Нике казалось, что человек, говоря, более напряжен, чем когда мыслит. Но грань эта настолько узка, что потребуются немало тренировки для того, чтобы с ходу различать речь от мыслей.

Главное неудобство заключалось в том, что нужно было внимательно смотреть на собеседника, чтобы понять, когда он говорит, а когда думает. Выдавать свою новую способность кому бы то ни было, Нике совершенно не хотелось.

Жизнь продолжалась

Буднично прошла и завершилась встреча с поставщиком очередного китайского ширпотреба. Китаец в завершении тщетно пытался предложить пестрый глянцево-чуть примятый каталог аналогичной дряни, но зам директора немаленькой сети гипермаркетов решительно глянец отодвинула. Переговоры завершены.

Ника взглянула на часы. В Склиф она успевала почти к концу приемного времени.

На пороге Склифа дежурил уже другой охранник. Этот был бодр и подтянут. Курить бросать не собиравшись, и по этой причине бегал в уборную чаще нужного – на перекуры. Мертво-

рожденный закон о запрете курения в общественных местах все же действовал на население, хотя ничего не достиг кроме ухода в подполье курильщиков.

Ника, решительно накинув халат и сославшись на разрешение главврача, прошествовала в палату к Андрею. Тот был в полном сознании и выглядел вполне здоровым, если не считать бинтов на голове и гипса (как она его не заметила) на руке.

– Привет, – поздоровалась она, кладя авоську с апельсинами (куда ж без них!) на белую тумбочку.

– Привет, – Андрей был озабочен, – твоя работа? – усмехнулся он, демонстрируя ей громадную гематому на запястье не загипсованной руки. – И за что ты меня так? Ну, в кафе может я на тебя посмотрел как-то не так, прости, конечно. Но бить лежачего?!

– Я тебя не била... – начала было оправдываться Ника.

– Ладно-ладно, шучу, – прервал ее Андрей с бледной улыбкой, – говорят, что у тебя какая-то методика акупунктурная. Ты мне как-то хитро на руку нажала, что я из комы вышел. Перестаралась правда, на мой взгляд несколько.

Внезапно глаза Андрея вдруг сделались серьезными. Он о чем-то думал несколько минут, как бы решая в уме задачу. Потом он поднял взгляд на Нику и лицо его стало еще бледнее:

– Мне нужна твоя помощь. Ты должна встретиться с тем господином Ли. Нужно обсудить прежний вопрос. Речь идет об увеличении объемов при снижении цены. В идеале нужно еще и об отсрочке договориться.

– Не переживай, я все поняла. Сделаю. Тебе нужно что-нибудь?

– Нет. Займись, пожалуйста. Запиши телефон.

– Наизусть, конечно же, номер помнишь? – усмехнулась Ника.

– Да, – криво усмехнулся в ответ Андрей, – вроде не отшибло ступеньками. Помню все. Меня следователь все выспрашивал как я столько номеров в памяти держу.

Андрей продиктовал Нике номер господина Ли, не любившего рукопожатия. Вошла недовольная жизнью медсестра и сварливо потребовала Нику очистить помещение. Время посещения подходило к концу.

Ника вспомнила о разговоре с главврачом, походившим на Жванецкого и решила выполнить данное ею обещание. Разузнав местонахождение его кабинета, Ника поднялась на третий этаж.

Дмитрий Арнольдович Гейс, а именно так звали врача, походившего на Жванецкого, был очень рад. Безумно рад просто. Он даже не пытался скрыть распиравших его эмоций. Суетливо распорядился по телефону о кофе – медсестра расторопно подала две пластиковые чашки из автомата, расположенного в холле первого этажа, ревнивым взглядом, походя, оценивая Нику. Ой, ну было бы за что бороться!

Маленький толстый человек с толстым же носом, был лысоват и круглолиц, суетливый и бестолковый. Даром, что главврач – так расценила с первого взгляда его Ника. Все же он чем-то ей ужасно не понравился. Дело даже не в прелом запахе его всегда влажных пальцев... Он весь сквозил какой-то фальшью. Да так, что ни по запаху, ни по движениям его невозможно было понять, когда именно он говорит правду, а когда лжет. Создавалось прямое впечатление, что угодливо смеется и лжет он постоянно, даже когда это не нужно – просто на всякий случай.

– Ну-с, рассказывайте! – потребовал он, умильно и не таясь, разглядывая все, что можно было разглядеть в Никином декольте.

Нике было неуютно под его назойливым взглядом. Она поерзала на жестком белом кожаном диване, оправив одежду. И приняла решение – дистанцироваться и сбежать при первой же возможности. Неприятный тип!

– Чем я могу Вам помочь, уважаемый Дмитрий Арнольдович? – как можно более ледяным тоном спросила она, отхлебывая кислый совершенно не вкусный кофе с отвратительным душком. Кофе машина явно работала на износ и совершенно была лишена должного обслужи-

вания. Ника отставила чашку как можно вежливее. – Я, право, и не знаю, о чем Вам рассказать. Сама не знаю, как так получилось с Андреем.

Дмитрий Арнольдович нетерпеливо отмахнулся, оторвавшись от созерцания манящих рельефов.

– К черту, милочка, Вашего этого любителя канализаций. Меня интересует скорее то, как именно Вы это сделали и... Что умеете еще?

Ника про себя усмехнулась: «Ага, шаз!». Подняла бровки и как можно более невинно спросила:

– Что именно Вы умеете в виду? Я же говорю – что сама не знаю, как так получилось. И вообще, он же сам очнулся. Хотя, я конечно же этого очень хотела. Он же мне это... Денег должен! – включила «блондинку» Ника, на всякий случай.

– Да будет Вам, милочка, – рассердился уже вразправду главврач, – меня пригласили практически с самого начала Вашего этого представления – когда медсестра, а потом и санитары не смогли разжать Вашу железную хватку. Можно было конечно применить и более жесткие меры, но мне хотелось досмотреть спектакль до конца. И я все видел собственными глазами, – Дмитрий Арнольдович, не утерпев, вскочил и принялся мерить шагами кабинет, заложив короткие руки за спину. Короткие руки его едва сходились за его округлой спиной. – Вы были в транс, как вся ваша братия шарлатанов-гипнотизеров. Но получилось-таки! – он потряс лоснившимися пальцами, похожими на короткие сардельки перед лицом Ники. Ей стоило больших трудов не отшатнуться от захлестнувшей ее волны дурноты.

Внезапно она услышала: «... Придется применить инъекцию. Она явно не собирается по хорошему, а упускать такой случай... Отдельный бокс на минус втором подойдет. Эх жаль, не готова аппаратура и препарат... Нужно отвлечь и...»

Ника поняла, что уже некоторое время Дмитрий Арнольдович не говорит и ужаснулась от недосказанной его мысли.

«Бежать!» – подумала Ника, а в слух сказала:

– Извините, я немного устала. Может, продолжим наш разговор в другое время? – Ника бочком встала с дивана. Ей не хотелось показывать, что она испугана, но видимо скрыть свои чувства ей не удалось.

Доктор отреагировал на это более чем странно. Он удивленно взирал на нее. А потом до Ники донеслись мысли Дмитрия Арнольдовича – какие-то несвязные химические формулы.

– Так я пойду? – не уверенно уже спросила она.

– Да, как Вам будет угодно, – разулыбался он почему-то.

Ника задом нажала на ручку двери и выдавила себя из кабинета глав врача, припустив вниз. Сначала к Андрею. Убедившись, что коридор пуст и вредной медсестры на горизонте не наблюдается, она змеей ввинтилась в палату Андрея и тут же плотно затворила за собой дверь. Мельком взглянула на решетку окна – прочная, приняла решение не задерживаться тут совершенно.

– Ты? – удивился Андрей. Оказалось, что в его палате был небольшой телевизор, по которому в это время шли новости.

– Не перебивай только, выслушай пожалуйста! – скороговоркой остановила дальнейшие расспросы Ника. – У меня в этой больнице кое с кем не очень хорошие отношения... Я не смогу тебя навещать, извини. По телефону сообщишь мне детали для встречи с господином Ли.

– Не переживай, я завтра уже уйду отсюда. На встречу вместе пойдем, – усмехнулся Андрей. – Не нужно из-за меня так хлопотать, ни к чему.

– Так быстро? – ужаснулась Ника, все еще державшая ручку двери.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.